

**Диалектная и просторечная лексика романа Л. Н. Толстого
«Анна Каренина» в переводе М. Максуда**

диалектизмы, просторечия, стиль, роман «Анна Каренина», перевод М. Максуда

В рамках данной статьи нас интересуют особенности передачи диалектной и просторечной лексики, а также пословиц и поговорок как стилиевой особенности Л. Н. Толстого в романе «Анна Каренина» в его переводе на татарский язык Махмудом Максудом.

Диалектную лексику, которую использовал Л. Н. Толстой в своём творчестве, неоднократно рассматривали лингвисты (см., например: Романов Д. А., Красовская Н. А. «Материалы к словарю тульских говоров») [Романов, Красовская 2009]. Исследователь творчества Толстого А. В. Чичерин, опираясь на монографию А. А. Сабурова «“Война и мир” Л. Н. Толстого. Проблематика и поэтика» пишет о языковом своеобразии как стилистической особенности текстов писателя. Так, он отмечает, что в словарном богатстве Толстого есть устойчивая основа – это народная речь: «(…) Толстой жил и мыслил так, как писал, думая и чувствуя в духе и силе русской речи; она была для него не только образцом, но и поэтическим регулятором» [Чичерин 1968: 253]. В разные годы Толстой собирает живой слownик русского языка.

Обращение к тексту произведения с целью выявления элементов народного языка показало, что интересующие нас языковые единицы наиболее широко и ярко представлены в тех главах романа «Анна Каренина», где описывается деревенская жизнь героев (Левина, Долли, Кити). При этом элементы устной народной речи обнаруживаются как в авторской речи, так и в речи крестьян, диалогах главных героев романа с деревенскими жителями. Живая народная речь активно проникает в текст романа «Анна Каренина» прежде всего в форме стилистически маркированной лексики (просторечных слов, диалектизмов, слов, относящихся к традиционному крестьянскому быту или к традиционным формам крестьянской речи и др.). Особый национальный колорит отдельным фрагментам произведения придают поговорки, а также прием намеренного искажения орфографического облика слова, применяемый Л. Н. Толстым для передачи стилистических и фонетических особенностей речи своих персонажей.

Безусловно, подобрать удачные эквиваленты в языке перевода для вышеперечисленных языковых единиц в силу их особой специфики – задача далеко непростая. Тем интереснее проследить, насколько адекватно удалось М. Максуду перевести на татарский язык сложные для перевода фрагменты оригинального текста «Анны Карениной».

Перейдем к конкретным примерам. Начнем с диалектизмов в романе. Специфической особенностью этой категории лексических единиц является то, что их употребление ограничено конкретной географической местностью. Как следствие, значение диалектизмов не всегда понятно носителям данного говора.

Рассмотрим эпизод, предшествующий второй случайной для Левина встрече с Облонским. Совершая в один из весенних дней обход своего большого хозяйства в деревне, Левин вступает в разговор с работником, засевающим клевер на его поле. Нахваливая наступившую весну, работник Василий между прочим сообщает Левину, что и его старик нынче посеял пшеницу. На вопрос Левина, как давно они сеют пшеницу, Василий отвечает: «— Да вы ж научили **позалетошный** год; вы же мне две меры пожертвовали» [Толстой 1991, 1: 176]. Словарь русских народных говоров определяет слово «позалетошный» (а также его вариант «позалетошный») как 'позапрошлогдний'. В словарной статье приводится словосочетание «Позалетошный, позалетошный год» и его толкование — 'В позапрошлом году' [Словарь 1994, 28: 310-311]. В переводе М. Максуда рассматриваемая нами реплика работника Василия звучит так: «— **Өченче ел сез өйрәттегез бит; сәдакадан булсын дип миңа үзегез бодай бирдегез**» [Толстой 1960, 1: 204]. Как видим, диалектизму «позалетошный» в татарском тексте соответствует литературное, стилистически нейтральное сочетание «еченче ел».

Другой пример. В конце первого дня совместной охоты Левин, Стива и Васенька Весловский вновь встречаются в избе мужика, у которого останавливаются на ночлег (эпизод в рамках четвертой случайной встречи Левина и Стивы). Весловский с восторгом рассказывает приятелям, как вкусно его накормили и напоили водкой мужики, встретившиеся на лугу, и при этом «ни за что не хотели взять деньги». Солдат, брат хозяйки избы, присутствующий при этом разговоре, удивленно говорит: «**Зачем же деньги брать? Они вас, значит, поштовали. Разве у них продажная водка?**» [Толстой 1991, 2: 164]. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера определяет слово «поштовать» как 'угощать' с пометой «диалектное» [Фасмер 2004, 3: 350]. При переводе диалектизма «поштовать» на татарский язык М. Максуд вновь использовал стилистически нейтральное выражение «кунак итү».

Аналогичным образом, с помощью нейтральной общелитературной лексики татарского языка, переведены и другие обнаруженные нами в тексте романа русские диалектизмы. Так, «брусница» ('привешиваемая к поясу косца продолговатая коробка, в которой носят брусок для точения кос' [Словарь 1968, 3: 207]) на татарский язык переведена нейтральным «савыт»; слово «настрыкаться» (в значении 'приноровиться, привыкнуть что-либо делать') переводится глаголом «күнегү»; диалектизм «даве» (вариант наречия «давеча») — наречием «бая».

В тексте Л. Толстого имеется целый ряд случаев намеренного искажения орфографического облика слов, связанных с передачей манеры речи коренных жителей конкретной географической местности. Так, отправляясь на охоту в компании Облонского и Весловского, Левин встречается у крыльца дома рядчика-плотника, нанятого для постройки флигеля. Между ними возникает спор относительно испорченной плотником лестницы:

«— Да куда же она у тебя выйдет с тремя ступенями?»

— Помилуйте-с, — с презрительно улыбкой сказал плотник. — В самую тахту выйдет. Как, значит, возьметса снизу, — с убедительным жестом сказал он, — **пойдет, пойдет и придет**» [Толстой 1991, 2: 154].

Слова плотника «пойдет» и «придет» с искажением орфографии свидетельствуют об авторской передаче стилистики и фонетики речи

персонажа. Подобное нарушение в орфографии, характерное для русской речи, остается непереводаемым. В татарском переводе подобных нарушений в правописании при цитировании речи плотника мы не наблюдаем. Во вторичном тексте используются нейтральные, общеупотребительные «бара» и «килеп чыга».

Еще один пример из эпизода охоты. Пересекая луг в поисках дичи, Левин и Весловский встречают группу крестьян. Один из мужиков приглашает приятелей пообедать вместе с ними:

*«– Иди, **ничаво!** – прокричал с красным лицом веселый бородатый мужик, ослабляя белые зубы и поднимая зеленоватый, блестящий на солнце штоф.*

{...}

*– Иди и ты! – кричал мужик на Левина. – **Нябось!** Закусишь пирожка! Во!»* [Толстой 1991, 2: 162-163]

Вновь наблюдаем умышленное изменение графического облика слов: «ничаво» вместо «ничего», «нябось» в значении 'не бойся'. В татарском переводе романа, по аналогии с предыдущим примером, эти слова передаются литературными словами – «иң шәбе», «курыкма». На страницах романа подобные искажения орфографии не редкость: «мотри» вместо «смотри» (в татарском переводе – стилистически нейтральное «кара аны»), «вишь» вместо «видишь» (в переводе – нейтральные «күрәсең», «кара эле»), «туда» вместо «тут» (в татарском тексте – «моннан») и др.

В следующую рассматриваемую группу мы условно объединили все остальные слова, символизирующие народную, крестьянскую речь. В нее вошли просторечия, характерные прежде всего для деревенских жителей, а также слова, связанные с описанием крестьянского быта и уклада жизни. В отличие от диалектизмов эти лексические единицы общепонятны для подавляющего большинства носителей национального языка.

Вновь обратимся к эпизоду обхода Левиным своего хозяйства с приходом весны. Изображая сменяющиеся одна другую сцены крестьянских трудовых будней, Л. Толстой пишет: *«Бабы-скотницы, подбирая **понева**, {...} с хворостинами бегали за мычавшими, ошалевшими от весенней радости телятами, загоняя их на двор»* [Толстой 1991, 1: 171]. Слово «понева» определяется как 'старинная русская поясная одежда замужней женщины: юбка из трёх (реже четырех) полотнищ шерстяной или полушерстяной клетчатой или полосатой ткани', дается помета «народно-разговорное» [Большой 2004: 918]. Не найдя в татарском языке подходящего эквивалента данной реалии, М. Масхуд прибегает к «описательному переводу» (Комиссаров). Так, лексема «понева» в языке перевода заменяется словосочетанием, раскрывающим ее значение «*үзләре суккан шакмаклы күлмәк*» [Толстой 1960, 1: 198].

И все же наиболее характерным способом для М. Масхуда является замена народно-разговорной лексики на стилистически нейтральные, общелитературные слова в татарском тексте.

Пример из эпизода охоты Левина со Стивой и Весловским. Во время беседы устроившихся на ночлег в сенном сарае охотников входит хозяин избы и обращается к гостям: *«{...} Я думал, господа наши спят, да слышу **гуторят**. Мне крюк взять тут»* [Толстой 1991, 2: 167].

Большой толковый словарь русского языка слово «гуторить» определяет как 'разговаривать, беседовать'; в словарной статье имеется помета «народно-разговорное» [Большой 2004: 236]. На татарский язык лексема «гуторить» переведена стилистически нейтральным словом «гәпләшү» со сходным с «гуторить» смысловым содержанием: «⟨...⟩ *Мин инде эфәндөләрәбез йоклыдыр дил уйлаган идем дә гәпләшкәнегезне ишетеп алдым*» [Толстой 1960, 2: 194].

Аналогичная ситуация наблюдается и при переводе М. Максудом таких просторечных и народно-разговорных слов, как «разор» (в татарском варианте романа – «белдерү»), «молодайка» («яшь килен»), «бабёнка» («хатын-кыз»), народно-поэтического слова «стёжка» («сукмак») и др.

Народная речь неизменно «звучит» в романе «Анна Каренина» и благодаря многочисленным пословицам, поговоркам, крылатым выражениям. В. И. Даль в «Напутном» к своей книге «Пословицы русского народа» пишет, «что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет; в образованном и просвещенном обществе пословицы нет ⟨...⟩. И кто же станет поминать в хорошем обществе борону, соху, ступу, лапти, а тем паче рубаху и подоплеку?» [Даль 2004: 6]. И всё-таки в произведениях Л. Толстого пословицы и поговорки можно встретить не только в речах деревенских жителей – ими столь же охотно пользуются и представители привилегированных сословий.

Анализ татарской версии романа «Анна Каренина» показал, что М. Максуд вполне успешно справился с переводом упомянутых паремиологических единиц. В большинстве случаев ему удавалось подобрать предельно близкие как в плане выражения, так и в плане содержания языковые единицы из арсенала татарского языка. Созданные же в процессе перевода отдельные кальки во вторичном тесте не выбиваются из общего ряда, воспринимаются так же естественно и гармонично, как и собственные лексические средства языка.

Приведем отрывок из реплики купца Рябинина, приехавшего в деревенский дом Левина совершить сделку с Облонским по покупке леса:

«– Изволили потешаться охотой? Это какие, значит, птицы будут? – прибавил Рябинин, презрительно глядя на вальдшнепов, – вкус, значит, имеют. – И он неодобрительно покачал головой, как бы сильно сомневаясь в том, чтоб эта овчинка стоила выделки» [Толстой 1991, 1: 186]. М. Максуду удалось найти удачный аналог поговорке «Овчинка выделки не стоит» в татарском языке – «Биш тиенлек куйн, ун тиенлек зыян» (букв.: 'Пятикопеечный заяц, десятикопеечный убыток'). Татарская поговорка удачно вписывается в контекст перевода и прекрасно подходит для характеристики образа расчетливого и хваткого купца Рябинина.

Другой пример. В тот же самый вечер, после отъезда Рябинина разговор Облонского и Левина заходит о Кити, Вронском, о недостаточной решительности и настойчивости со стороны Левина (по мнению Облонского). Л. Толстой так описывает переживания Левина в эту минуту: *«Левин нахмурился. Оскорбление отказа, через которое он перешел, как будто свежую, только что полученную раню зажгло его в сердце. Он был дома, а дома и стены помогают»* [Толстой 1991, 1: 191]. Не выявив в татарском языке эквивалента пословице «И стены в доме помогают», М. Максуд

прибегает к калькированию, при этом довольно успешно: «⟨...⟩ *Ул бит үз өендә иде, ә үз өендә стеналар да ярдәмгә килә*» [Толстой 1960, 1: 221].

К удачным переводческим находкам М. Максуда можно отнести и переводы таких паремий и фразеологизмов, как «В дождь коси, в погоду греби» (в переводе – «Яңгырда чап, аязгач жый»), «Взялся за гуж, не отставать» («Жигелдең икән, калышасы булма!»), «Какая тебя муха укусила» («Нинди корт чакты үзеңне?»), «Не верил ни в чох, ни в смерть» («женгә дә, үлемгә дә ышанмый») и др.

Использование Л. Толстым народной лексики свидетельствует об умении писателя передать не только реалии той жизни, которую он изображает, но и язык той эпохи. Это делает роман Л. Толстого правдоподобным, реалистичным. С другой стороны, все стилистические особенности языка Л. Толстого придают роману народный колорит, эстетическую красоту.

Р. А. Юсупов, рассуждая об особенностях перевода диалектизмов и просторечных слов, говорит о бесконечной сложности этого процесса. Вместе с тем он подчеркивает, что решение указанных переводческих проблем является обязательным для тех, кто берет в руки текст с целью адекватной передачи смысла и содержания на свой язык. Так, он пишет: «⟨...⟩ задачи адекватного перевода требуют более или менее полного воссоздания в переводе функций диалектных слов подлинника» [Юсупов 2010: 116].

Татарский перевод романа «Анна Каренина» свидетельствует о стремлении М. Максуда к литературным нормам татарского языка в тех случаях, когда невозможен адекватный перевод текста произведения (речь идет о региональной народной лексике и просторечиях). Однако в результате перевода эпизодов произведения с народной лексикой посредством нейтрального языка существенно снижается национальный колорит текста Л. Толстого.

Литература

- Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004. – 1536 с.
- Даль В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М.: Эксмо; ННН, 2004. – 616 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3 / В. И. Даль. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. – 555 с.
- Романов Д. А., Красовская Н. А. Материалы к словарю тульских говоров / Д. А. Романов, Н. А. Красовская – Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2009. – 194 с.
- Словарь русских народных говоров. Выпуск 3. – Л.: Наука, 1968. – 360 с.
- Словарь русских народных говоров. Выпуск 27. – СПб.: Наука, 1992. – 401 с.
- Толстой Л. Н. Анна Каренина. Роман в восьми частях. Т.1 / Л. Н. Толстой. – М.: Правда, 1991. – 496 с.
- Толстой Л. Н. Анна Каренина. Роман в восьми частях. Т.2 / Л. Н. Толстой. – М.: Правда, 1991. – 416 с.
- Толстой Л. Н. Анна Каренина. Т.1 / пер. на тат. яз. М. Максуда / Л. Н. Толстой. – Казань: Таткнигоиздат, 1960. – 552 с.
- Толстой Л. Н. Анна Каренина. Т.2 / пер. на тат. яз. М. Максуда / Л. Н. Толстой. – Казань: Таткнигоиздат, 1960. – 484 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.3 / М. Фасмер. – М.: Астрель; АСТ, 2004. – 831 с.
- Чичерин А. В. Идеи и стиль. О природе поэтического слова / А. В. Чичерин. – 2-е изд., доп. – М.: Советский писатель, 1968. – 374 с.
- Юсупов Р. А. Теория и практика перевода / Р. А. Юсупов – Казань: ТГГПУ, 2010. – 366 с.